

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.011

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОСЕТИИ И «ОСЕТИНСКАЯ ЖЕНЩИНА» ЦОМАКА ГАДИЕВА

З.В. Канукова
Г.И. Цибиров
Э.Ш. Гутиева

Вопрос женской эмансипации в начале XX в. занимал большое место в развитии общественной мысли как европейских стран, так и России, в том числе и ее окраин. В осетинском общественном дискурсе «женский вопрос» поднимался как правило в контексте борьбы с предрассудками и пережитками прошлого, где местная интеллигенция проявляла особую активность. В настоящей публикации представляется очерк известного осетинского писателя, поэта, просветителя, общественного деятеля, революционера, организатора науки и образования советского времени Цомака Гадиева «Осетинская женщина», опубликованный в известном феминистском журнале «Женский Вестник» в 1908 г. В исследованиях творчества Гадиева рассматриваемый очерк оказался не столь заметным, его не упоминают и в диссертациях, посвященных просветительской и педагогической деятельности Гадиева. Между тем, очерк имеет определенный интерес для исследователей общественной мысли Осетии, гендерных процессов и других вопросов социально-культурного характера, несмотря на то, что содержит немало суждений, вызывающих вопросы. Описание Гадиевым положения осетинской женщины и определяющей его в целом общественно – культурной среды представляется чрезмерно негативным и не всегда соответствующим реальности. В статье представлены основные характеристики гендерных процессов в Осетии в рассматриваемое время и предпринята попытка объяснения причин, побудивших Гадиева представить проблему российскому читателю в столь мрачной тональности. Авторы пришли к выводу, что к числу таких причин следует отнести общий тренд осетинского просветительства, направленный на критику традиционного общества; концепцию журнала «Женский Вестник», встроенную в жесткую парадигму борьбы с предрассудками за «новую» женщину, а также революционный нигилизм и обусловленный им характер творчества самого Цомака Гадиева.

Ключевые слова: осетины, женский вопрос, общественно-культурная среда, Цомак Гадиев, очерк «Осетинская женщина»

Для цитирования: Канукова З.В., Цибиров Г.И., Гутиева Э.Ш. Гендерные процессы в Осетии и «Осетинская женщина» Цомака Гадиева // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 144-157. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.011

Обращение осетинской интеллигенции к проблеме женской эмансипации было мотивировано влиянием западноевропейской и российской общественной мысли, искренним желанием внести свой вклад в обновление традиционно-общества, осознанием своей просветительской миссии. Цомак Гадиев был ярким представителем осетинской интеллигенции, поэтом и публицистом, сыном известного осетинского писателя Сека Гадиева. Ему удалось получить хорошее образование во Владикавказском духовном училище, Ставропольской гимназии, на историко-филологическом факультете Дзержинского университета. В 1908 г. он был арестован за революционную деятельность и сослан в Сибирь, но после Февральской революции вернулся на родину и продолжил активную деятельность в статусе журналиста. С победой советской власти, он стал заместителем наркома просвещения Терской советской республики, затем заместителем председателя городского ревкома, трудился в сфере науки, образования и культуры в должностях заведующего областным отделом образования, редактора газеты «Растдзинад», ректора Горского педагогического института, директора Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вместе с тем, Цомак Гадиев продолжал заниматься литературным творчеством, в котором отражал процессы общественной модернизации советского времени.

Процесс обновления традиционно-общества начался задолго до установления советской власти, но традиция связывать его с новым общественным устройством долго сохранялась как в исторической науке, так и в общественной мысли.

Характеризуя женское движение в мире, Ц. Гадиев отмечает, что «если в одних странах и у одних народов на ее (женской борьбы. – *Авт.*) знамени уже написано красными буквами “всеобщее избирательное право”, то в других и у других еще говорят и спорят: “человек-ли женщина”?» И далее заключает: «К этим отставшим народам я отношу и те маленькие туземные племена Кавказа, к числу которых принадлежат осетины» [1, 20].

Трудно согласиться с этим утверждением, особенно применительно к 1908 году, когда Цомак опубликовал свой очерк. Вряд ли осетины начала XX в. задавались вопросом «человек-ли женщина»? Многие исследователи этнографии осетин отмечали особое почтение к женщине [2, 94; 3, 101; 4, 299; 5, 16, и др]. М.А. Мисиков писал: «Когда женщины проходят мимо сидящих мужчин, даже глубоких стариков, то последние встают, приветствуя их. Женщины застенчиво приостанавливаются и, если среди них есть старуха, то она довольно громко благодарит их за внимание и просит сесть. Затем продолжают свой путь. Сколько бы не сидело мужчин, все до единого встают, если даже проходит одна женщина... Перед женщинами пожилыми все мужчины моложе их должны стоять и оказывать всякие почести как старшим» [6, 72].

Все эти проявления «рыцарства» Цомак Гадиев рассматривал как «заигрывания с ней (женщиной. – *Авт.*) со стороны сознающего свою силу, свою власть и свое превосходство мужчины» [1, 20].

Однако статус женщины проявлялся не только в этикете, но и в повседневной жизни. Тот же М.А. Мисиков писал:

«Фактически старуха-мать является полновластной хозяйкой и редкий сын решится предпринять что-нибудь без ее ведома, без ее совета. Если в доме после смерти мужа нет взрослых, то старшинство принадлежит ей до тех пор, пока не подрастут все сыновья, коим принадлежит все хозяйство» [6, 73]. Неоднократно исследователями отмечалась разница в положении женщины у соседних народов: «во всяком случае, осетинская женщина не так порабощена, как у других горцев... Женщины у осетин поставлены лучше, чем у остальных горцев; они занимаются домашней работой и пользуются уважением и почетом среди своих» [7]. Л. Штедер отмечал, что у осетин «считается отвратительным бить женщину. Тот считается в безопасности, кого взяла под защиту женщина. Когда они вмешиваются в кровавые схватки с криками и распущенными волосами, то все пристыжено вкладывают сабли и расходятся» [8, 57]. М. Ковалевский описал статус старшей женщины афсин: «женщина эта стоит во главе всей женской половины двора» [3, 101], она полностью распоряжалась кладовой с продуктами питания, в определенных случаях выполняла и жреческие функции. Д.Я. Лавров указывал, что «в семейной общине, где уже не было в живых старшего представителя семьи («хистар»), его положение по семейно-иерархической ступени переходило к его супруге – старшей женщине («афсин»)». Участие таких женщин на родовом или общинном совете с непосредственным участием в общественных делах было нередким явлением» [9].

Со второй половины XIX века, в результате проведения российских бур-

жуазных реформ, появления городов и развития экономики, культуры и образования, традиционное общество подвергалось новациям, что отражалось и на статусе женщины. Мужчины воевали, широко было распространено отходничество, поэтому многим женщинам приходилось самостоятельно содержать семью, осваивать новые профессиональные ниши, о чем свидетельствуют материалы Всероссийской переписи населения 1897 года [10,14]. В пореформенное время, когда Осетия переживала подъем в социальном и культурном развитии, женщины были довольно активно вовлечены в процессы модернизации, прежде всего в систему образования. «Осетин вообще не признает для женщины необходимости и даже пользы образования, или лучше сказать, – грамотности. Понятия об образовании, в широком смысле этого слова, у него еще нет», – утверждал Цомак в 1908 г. [1, 21]

Однако история женского образования в Осетии хорошо известна, и начинается она с середины XIX века, когда осетинский священник Аксо Колиев открыл школу для девочек во Владикавказе. Первые женские школы появились при поддержке Общества восстановления православного христианства на Кавказе «в Алагире, Салугардане (1867 год), Моздоке (1868 год), Ардоне, Ольгинском, Даргкохе (1871 год), Хумалаге (1872 год), Гизели (1872), Даргавсе (1878 год) и др. ... В отчетах администрации Владикавказского округа неоднократно отмечалось, что женское образование организовано лучше мужского» [11, 326].

Опыт работы женских школ оказался настолько позитивным, что они

стали появляться по всей Осетии. К началу XX века не оставалось ни одного населенного пункта, где не была бы открыта женская школа. Кроме того, Владикавказский епархиальный училищный совет открыл несколько средних женских учебных заведений. К этому времени наряду с церковно-приходскими школами основывались и светские школы, в том числе и с совместным обучением девочек и мальчиков. Светские одноклассные женские школы функционировали в Карджине, Новом Урухе, Ногкау, Шанаевском, а в селениях Алагир, Заманкул, Эльхотово, Христиановское, Зильги и Магометановском были основаны двухклассные школы, в пяти из них учились девушки. Во Владикавказе в 1897 г. из 44 школ женскими были 12. Осетинки обучались в Осетинской Ольгинской женской школе, в Епархиальном женском училище, а в начале XX в. и в светских женских городских училищах [11, 332].

Таким образом, к началу XX в. женское образование в Осетии было представлено учебными заведениями различного типа и разной ведомственной принадлежности. Однако Цомак не поведал об этом российскому читателю.

«Но как же сам осетинский народ в массе смотрит на женщину?» – вопрошает Цомак, и сам же отвечает на свой вопрос: «Обращаясь к повседневным обычаям его, к этикету, присматриваясь ко всему, мы замечаем то же отрицательное отношение, тот же принижающий взгляд на женщину, красной нитью проходящий по всему жизневоззрению осетина» [1, 21]. Между тем, широко известно, что осетины составляли «приговоры» об открытии школ для девочек, собирали средства для строительства

школьных зданий, для приобретения необходимого оборудования, для оплаты учителей. Жители горных селений, не имевших своих женских школ, находили способы дать своим девочкам необходимые знания: посылали их в мужские школы, отправляли в села, где были женские школы, отсылали к родственникам в равнинные селения.

Совершенно несправедливым представляется упрек Гадиева осетинской интеллигенции. «Начиная с верхов, с интеллигенции осетинского народа, бросая на нее аналитический луч наблюдения, нельзя не заметить в ней одной присущей ей общей черты. Отрицательный взгляд на женщину – вот та черта, которая характеризует почти всех общественных деятелей и не-деятелей», – пишет Цомак [1, 23]. Но ведь осетинские просветители и общественные деятели большое внимание уделяли женскому вопросу, и особенно образованию. К.Л. Хетагуров, А.А. Гассиев, Х.А. Уруймагов, Г.И. Дзасохов, Г.В. Баев, Ц. Амбалов и многие другие активно занимались женским образованием, выступали на страницах местной периодики, вели педагогическую деятельность, изыскивали возможности для поддержки обучающихся девушек. Под влиянием российской педагогической мысли они ставили вопрос о преимуществах светского образования, о высшем и профессиональном образовании женщин.

Но Цомак Гадиев не посчитал достойными упоминания эти усилия представителей осетинской интеллигенции, направленные на развитие женского образования. Возможно, «аналитический луч наблюдения» Цомака засветил некие детали в размыш-

лениях радетелей за женское просвещение: в качестве внешкольных предметов они предлагали для девочек традиционные занятия – рукоделие и домоводство, а гимнастика, пение и рисование представлялись элементами «мужского» образования. Или автору не понравилось, что все перспективы развития женского образования просветители связывали с женщиной-матерью, воспитательницей, учительницей, но не предполагали ее большей социальной активности? «Одинокие осетинские интеллигентные женщины, как самозаключенные монады, поглощают свою энергию, свои умственные силы, которые бы можно было использовать и применить гораздо лучше их теперешнего использования и применения. Лишь изредка их вопль, их женский вопль выливается в одиноких статьях, помещаемых в вышеназванной осетинской газете («Ног цард». – Авт.), выливается, чтоб исчезнуть непонятым, неслышанным, как глас вопиющего в пустыне» [1, 23].

Но голос этих женщин все же звучал на таких солидных площадках, как Первый Всеосетинский учительский съезд в 1905 г. [12], где они ставили вопрос о равных правах учителей и учительниц. Они принимали активное участие в обсуждении проблем национальной школы, светского и внешкольного образования. Известные в Осетии учительницы М.И. Кулаева, О.П. Асеева, А.М. Дзалаева, С. Тхостова, Н.Е. Калоева, Е. Такоева, С. Абаева, О. Абаева, Е. Дзугаева, М. Каирова, Е. Амбалова, Т. Дзахсорова, А. Туаева, О. Бицаева, А. Гарданова, О. Газданова, Н. Газданова, А. Дзахова, В. Караева и др. выступали на страницах местной периодики, в частности га-

зет «Голос Кавказа», «Жизнь Северного Кавказа» и др. [13, 14]

Расширение сферы участия осетинок в различных направлениях новой общественно-культурной среды, повышение их социальной активности становилось заметным явлением осетинской жизни. Женщины преподавали, лечили, работали в городских библиотеках, в культурно-просветительских организациях, издавали газеты, занимались устройством благотворительных мероприятий. Активнее всего женщины проявляли себя в системе образования, культурного просветительства и благотворительной деятельности.

Чем же вызвана столь негативная, односторонняя характеристика положения женщины в Осетии? Почему Цомак закрывает глаза на позитивные гендерные перемены и предлагает российскому читателю столь мрачную картину?

Во-первых, Цомак включает «женский вопрос» в контекст борьбы со всеми пережитками прошлого, очевидно в этом и был основной замысел очерка: «Со всем этим нужно бороться, бороться постоянно и напряженно, поскольку все это, как достояние предков, как суррогат религиозного культа, держится упорно...» [1, 24] Представители местной интеллигенции «считали своей великой миссией обновление традиционного общества, и поддерживали идеи искоренения устаревших традиций. Они, с одной стороны, участвовали в реализации политики российской администрации, направленной на искоренение дорогостоящих традиций, угрожавших успешному налогообложению населения, а с другой – искренне верили в просветительское служение

своему народу» [15,71]. Цомак вполне разделял этот общий тренд.

Во-вторых, тональность очерка явно определялась политикой редакции «Женского Вестника». Журнал был основан одной из лидеров российского женского движения М.И. Покровской в сентябре 1904 г. и позиционировался как феминистский, редакция и авторы журнала были активными участницами и лидерами различных феминистских организаций. Обсуждение «женского вопроса» проходило в парадигме гендерной дискриминации, что существенно отличало этот журнал от остальных женских изданий. Принципиально и полностью здесь отсутствовали материалы о моде, рукоделии и домоводстве, обязанностях жены и матери. В нем не было иллюстраций, рекламы и других «приманок» для женщин. Несмотря на финансовые и другие проблемы, журнал выходил 13 лет, и был единственным феминистским изданием с четко определенной целью – борьба с угнетенным положением женщины, с предрассудками и вековыми традициями, призыв к социальной активности, новым поведенческим моделям [16]. Очевидно, Цомак ориентировался на установку учредителей журнала.

Кроме того, нигилизм, присущий всем революционерам, мешал ему видеть очевидные перемены пореформенного времени. А социальный настрой Цомака в этот период был решительным: в 1908 г., в год написания очерка, он был сослан в Сибирь за свою революционную деятельность.

Возможно, усугубление проблемы казалось ему и способом привлечь к ней большее внимание общественности.

Цомак сформулировал в качестве главных задач для осетинских женщин организацию и саморазвитие: «Ничто так не дает силы, как организация, ничто так не поднимает человеческий дух и человеческую мысль, как саморазвитие» [1, 24]. Для начала XX века, как, впрочем, и во все времена, этот неоспоримый лозунг актуален не только для женщин, но и для общества в целом. Что касается реальных гендерных процессов, то они во многом определялись влиянием западноевропейской и российской общественной мысли, пореформенной модернизацией общества, ранним формированием осетинской интеллигенции, развитием женского образования и городской культуры.

ОСЕТИНСКАЯ ЖЕНЩИНА

(Очерк)

Жизнь идет вперед непрерывно и постоянно к свету, к свободе, к большому счастью; идет, разнообразясь, выражаясь в оригинальных формах, зачисляясь от условий места, времени, общественного сознания и самосознания и т.д. Женский вопрос на ряду очередных вопросов современного прогресса занимает, если не первое, то, по крайней мере, одно из первых мест. Вот почему женское движение постепенно и понемногу разрастается, охватывает и проникает почти во все слои и группы населения и принимает уже размеры общечеловеческого явления. Интернациональный социализм, – Евангелие Нового Времени, поставил женщину под свое покровительство, как угнетенную и забитую на всем протяжении истории, но в то же время он призвал ее в ряды борцов за правду и право, за справедливость и равенство. Но в передовых странах, где жизнь уже сама сделала возможной ее борьбу наряду с мужчиной-борцом, картина совершенно иная, чем в странах отставших. В то время, как в первых уже не приходится так сильно бороться с массой предрассудков – наследием варваризма и логики деспота-мужа и мужчины, в то время, как там женщина сама представляет уже просвещенную и культурную силу, выступая на защиту своих прав и интересов, в последних, в большинстве случаев, еще нет женщины, сознающей себя, сознающей всю ненормальность и забитость своего положения, одним словом, – нет еще даже мысли о несправедливости, мысли, с которой и начинается всякий социальный протест.

Вот почему образ и картина женской борьбы изменяется под влиянием различных условий, и если в одних странах и у одних народов на ее знамени уже написано красными буквами «всеобщее избирательное право», то в других и у других еще говорят и спорят: «человек-ли женщина»?

К этим отставшим народам я отношу и те маленькие туземные племена Кавказа, к числу которых принадлежат осетины.

Я считаю не бесполезным, насколько позволяют мне мои звания и место, осветить положение осетинской женщины и сделать несколько перспективных указаний; тем более я считаю это не бесполезным, что женщина почти у всех кавказских горских племен находится в аналогичном положении.

Я не буду вдаваться в осетинскую мифологию. Это завело бы меня в далекие дебри народных сказаний, где женщина является наряду с мужчиной и в народных собраниях, и в битвах, и у семейного очага, как равная, советы и наставления которой подчас имеют решающее значение. Я не буду уходить также и в мглу истории, не буду останавливаться и подробно излагать, как постепенно и понемногу в многовековой борьбе многочисленных племен «страны языков», в изредка прерывавшихся распрях отдельных родов и фамилий между собой женщина потеряла свое значение... Условия и характер постоянной и бурной боевой жизни отодвинули ее к пещере, к сакле, к семейному очагу, к приниженности, к забитости и настолько изменили даже ее тип к

худшему, сравнительно с мужчиной, что это резко бросается в глаза всякому. Те «рыцарские» чувства, о которых так часто приходится слышать, в сущности были только плодом или, лучше сказать, – выражением пренебрежения женщиной, или даже, говоря, быть может, неудачно, – заигрывания с ней со стороны сознающего свою силу, свою власть и свое превосходство мужчины. Все эти исторические предпосылки безусловно имеют огромное значение, но останавливаться на них я не могу, сообщаясь с размерами журнальной статьи и интересами читателя...

Ничто так не связывает женщину по рукам и по ногам, как те психические предрассудки касательно ее, которые господствуют в той или иной группе населения, в той или иной национальности. В то же время ни с чем не приходится считаться и так усиленно и напряженно бороться, как с этими предрассудками. Сложившиеся взгляды, как ил, ложатся на дне души, их трудно взбаламутить, и очистить от них сознание и психику вообще очень трудно... Они определяют положение женщины, они суживают рамки ее свободы, опутывая ее сетью всяких ограничений. Вот почему не безынтересно, как смотрит осетин на женщину.

Начиная с верхов, с интеллигенции осетинского народа, бросая на нее аналитический луч наблюдения, нельзя не заметить в ней одной присущей ей общей черты. Отрицательный взгляд на женщину – вот та черта, которая характеризует почти всех общественных деятелей и не-деятелей, начиная с «признанных и непризнанных», с «известных и мало известных» и кончая, *horribile dictu*, называющими себя со-

циалистами и демократами. Как ни странно это, как ни противоречит это вообще интеллигентной и культурной мысли, но это факт. Я нахожу объяснение этого факта в том, что в человеке, внутри его, сохранилось еще много, если не наследственных, то по крайней мере внушенных с юных лет воззрений своего народа, сохранилось в бессознательной сфере, откуда они выплывают только иногда... Такое отрицательное отношение к женщине выражается в современной нам передовой группе осетин не только вообще в настроении психики и в темпераменте, но и в совершенном игнорировании ее, в совершенном забвении, как бы ее не было, ее, как забытой личности. Заявления многих о том, что «осетинская женщина ни на что не способна», – только очень и очень бледный и близорукий парадокс, чтобы не сказать абсурд, которым стараются прикрыться, как фиговым листом, и оправдаться... Я скажу больше. Такое отношение есть преступление, поскольку «умывание рук» перед страданиями и положением целой половины народа не может не быть преступлением...

Но как же сам осетинский народ в массе смотрит на женщину?

Обращаясь к повседневным обычаям его, к этикету, присматриваясь ко всему, мы замечаем то же отрицательное отношение, тот же принижающий взгляд на женщину, красной нитью проходящий по всему жизневоззрению осетина. В отношениях, которые определяются принципами «ранга старшинства», женщина ставится всегда позади и ниже всех, даже детей и подростков.

Уже самое рождение ее встречается с недовольством и пожиманием плечами,

– Девочка, – говорят, – ну, что ж?.. Ожидали мальчика... Бог с ней...

Это ожидание, это желание мальчика внушается не только одним исторически сложившимся понятием социальной и экономической ценности женщины для горца; оно внушается и извне – всем складом жизни до обычных приветствий и выражений благожелания. Воспитание «нежеланной» девочки идет, конечно, у корыта ее матери и рядом с ней. Никто не обращает на нее внимания, никто не заботится о ней, кроме, быть может, так же, как и сама девочка, забытой, забитой и темной матери. Так она растет тихо, незаметно, изолированно, отправляя обычные работы, до возраста невесты, когда начинает посещать танцы, где и встречается ее ее суженый. Я не говорю о женском образовании. Осетин вообще не признает для женщины необходимости и даже пользы образования, или лучше сказать, – грамотности. Понятия об образовании, в широком смысле этого слова, у него еще нет.

– Зачем ей, – говорит он, – грамотность, зачем ей?! Уметь сшить бешмет, испечь пирог и кормить детей – вот ее дело.

Как сказал я выше, «ранг старшинства» отодвинул осетинскую женщину далеко назад, отодвинул, предоставив ей служебную, точнее прислужническую роль, или, выражаясь по-старому, роль рабыни. В присутствии мужчин она должна постоянно и всегда стоять, даже целые ночи, даже целые дни. Впрочем, она редко попадает в мужскую среду. Угол темной сакли – вот ее место. Разговаривать, есть, пить в присутствии мужчин ей так же непозволительно, как непозволительно вообще

сидеть при них. При встрече с последними она останавливается, отворачивается в сторону, уступает им дорогу, не переходит ее и т.д., и т.д.

Тысячи таких обычаев – больших и малых, важных и неважных, смешных и печальных, связывают не только язык женщины, но даже все ее движения, ставят ее в положение бессловесной и забитой узницы. Нарушительниц хоть одного требования этого оригинального этикета окрещивают самым позорным именем «джауров»...

Все эти ограничительные традиции еще сильны, чтобы не сказать, – еще господствуют, в народном консервативном и казуистически-моральном сознании, и вместе с другими такого же или иного характера создают специфически тяжелое положение женщины. Но она оказывается не только в сетях этих традиций и воззрений; над ней висит еще Дамоклов меч деспотизма мужа и его неограниченной власти... Обращаясь к семье, где мужчина и женщина соприкасаются наиболее непосредственно и наиболее тесно, мы видим, что и здесь проходит та же струя господства, приниженности и придавленности. Муж считает для себя позором – спрашивать жениных советов, а тем более следовать им, заботиться о ней и т. д.

– Жене своей, – говорит осетин, – не открывай никогда своего сердца.

Все семейные взгляды и отношения определяются старым воззрением на жену.

– Жена и лошадь ценнее всего в мире, – говорит одно изречение, а другое: – жене своей и лошади своей никогда не доверяй...

Я не буду входить в детали: самый факт приравнивания жены к лошади

уже может сказать очень и очень многое.

Все это в жизни отражается в массе аномальных явлений, таких явлений, которые имели место у других народов в самую раннюю эпоху развития социальных отношений семьи, брака и т. п.

Возможность выхода замуж так обставлена, зависит от таких условий, что пройти сквозь строй их более чем трудно. Я не говорю о том, что женщина безгласна в этом отношении и всецело находится в распоряжении родителей и родственников. Это предполагается само собой. Я не говорю также и о той фамильной и родовой кичливости, с которой в большинстве случаев осетин носится еще до сих пор и меркой которой измеряет все и жениха. И о многом другом я не говорю. Для меня в данном случае важны явления всеобщего характера. Таковым является «калым» – это вено, плата за невесту, или лучше сказать купля-продажа. Посланцы жениха отправляются в дом девицы и начинается стговор, очень и очень часто принимающий характер настоящего торга, где одни набавляют, указывая на все достоинства ее: рост, тонкий стан, длинную косу, темные глаза и т.д., и т.д., а другие обесценивают и предлагают меньше...

Понятно, какое пагубное значение имеет такой «калым» не только для женщины, но и вообще для народа, понятно в особенности для того, кто знает жизнь и состояние осетина. Если еще в недавнее время, когда калым определялся натурой, т.е. в него входили и коровы, и лошади, и пивоваренные котлы, и мелкий скот, он не ложился такой тяжестью, то теперь, с распространением денег, это уже действительно невы-

носимое бремя, невыносимое – с одной стороны при отсутствии путей достать деньги, с другой, при огромности самой суммы, часто доходящей до 50 туманов (500 р.). Я не буду излагать тех многочисленных последствий этого печального пережитка и для народного благосостояния, и для народного здоровья, и укажу только, что здесь женщина уже превращается в товар...

Другое, не менее печальное, явление, сопутствующее первому, иногда как следствие, – это «умыкание». Молодой человек, быть может, предполагающий отказ со стороны родителей приглянувшейся девицы, быть может, не имеющий возможности уплатить за нее вено – калым и т.д., набирает товарищей, и все они вместе стерегут ее и насильно увозят, т.е. похищают... А дальше... Потом редко, чтобы не сказать почти никогда, – русский уголовный суд и родовая месть, но почти всегда «согласие».

Таким образом, во всех этих перипетиях своей жизни женщина остается безгласной передвижной куклой в руках – то родителей, то родственников, то жениха, то мужа. Забитая до замужества, она и после замужества попадает в большую неволю и большую кабалу...

Все эти аномальные явления привлекали и привлекают на себя внимание и часто служили и служат поводом заметок и статей в местной русской прессе, а теперь и в единственной осетинской газете «Ног Цард». Но пресса и чаяния ее – это еще орел в небе, а жизнь не терпит отлагательства. Она тяжело наказывает за застой, вызывая массу печальных последствий. Время благочестивых пожеланий и романтических надежд на то, что с неба начнет падать манна, уже давно прошло,

а движение последней половины XIX и начала XX века привело к великой мысли о том, что лучшее угнетенных может быть только делом самих угнетенных. Вот почему и женщина призвана сама вести свое дело и идти вперед, разрушая старых идолов и строя фундамент для здания нового... Метод же борьбы указывает единственный путь саморазвития во всех отношениях и организации.

Среди осетинок нет еще никакой организации, даже в зародыше, даже как ячейка, которая бы могла сконцентрировать вокруг себя потенциальные силы и разряжала их соответственно потребности. Одиноким осетинским интеллигентным женщинам, как самозаклученные монады, поглощают свою энергию, свои умственные силы, которые бы можно было использовать и применить гораздо лучше их теперешнего использования и применения. Лишь изредка их вопль, их женский вопль выливается в одиноких статьях, помещаемых в вышеназванной осетинской газете, выливается, чтоб исчезнуть непонятым, неслышанным, как глас вопиющего в пустыне... И только... И в то время, как по всей России идет организация женских кружков, обществ и т. п., и в Закавказье, и в Польше, и в Прибалтийском крае, идет и поднимается постепенно и понемногу самосознание женщины-польки, женщины-латышки, женщины-эстки, в то время как те также постепенно и понемногу своей деятельностью, как струя света, уходят в темное царство жизни, осетинская женщина, как и вообще женщина у всех горских народов, еще дремлет, точно в кошмаре, с закрытыми платком губами...

Между тем какое широкое поле проявления для ее силы, для ее энергии; какое разнообразие и многосодержательность работы...

Если женщине вообще предстоит великое дело в нашей культуре в смысле большого проявления в ней идеи любви и человечности, идеи уважения в другом личности, то горской, а отсюда и осетинской женщине тем более предстоит это в своей среде, поскольку она окружена еще и теперь атмосферой некультурности и деспотизма, массой жестоких обычаев, как родовая месть и т. п.

Наконец, есть у осетина очень и очень много других обычаев, разоряющих его, как бесчисленные поминки по умершим, как языческие жертвы. Со всем этим нужно бороться, бороться постоянно и напряженно, поскольку все это, как достояние предков, как суррогат религиозного культа, держится упорно...

Переходя от явлений, только косвенно касающихся женщины-осетинки, к вопросам, наиболее важным для нас в данном случае и для ее ближайших интересов, мы указали бы, как на очередные задачи: *организацию и саморазвитие*. Ничто так не дает силы, как организация, ничто так не поднимает человеческий дух и человеческую мысль, как саморазвитие. Широта и глубина мировоззрения и непонимания – вот два принципа, на которых покоится современная *борьба*. А бороться есть за что. Разве мало очередных вопросов жизни, – жизни, которая пахнула дыханием свободы?! Разве мало у осетинской женщины и своих, конкретных, так сказать, вопросов?! Калым, купля и продажа женщины, как товара, искоре-

нение умыкания, женское образование, искоренение предрассудков и т.д., и т.д.: все это ведь может составить содержание борьбы и работы огромной важности и ценности. Даже общий тезис – освобождение женщины из положения рабыни, из-под безусловной власти мужа и мужчины, освященной этикой и моралью осетина, мне кажется мог бы служить достаточным мотивом, достаточным импульсом работы в указанном направлении...

Время идет, идет быстро, изменяя все, руша одно и создавая другое... Скоро, очень скоро и женщина-осетинка будет вызвана тем же временем из своего подземелья. С чем она выйдет тогда на поприще жизни?.. Вот вопрос!..

Женский Вестник. Ежемесячный общественно-научно-литературный журнал, посвященный равноправности и улучшению положения женщин. 1908 год. Вып. 4. № 1. Январь. С. 20-24.

1. Цомак. Осетинская женщина // Женский вестник. 1908. С. 20-24.
2. Пфаф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. 1871. Т. 1. 342 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 1-2. 340 с.
4. Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о Кавказе, 1871. Т. 1. 327 с.
5. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. 326 с.
6. Мисиков М.А. Материалы по антропологии осетин. Одесса, 1916. 236 с.
7. Северный Кавказ. 1883. № 23
8. Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ: СОИГСИ, 2016. 368 с.
9. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. 1874. № 28.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 году. Терская область. СПб., 1905. Т. 68.
11. История Осетии: В двух томах. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. Т. 2. 448 с.
12. Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе: Ир, 1980. Т. 1. 296 с.
13. Голос Кавказа. 1906. № 7.
14. Жизнь Северного Кавказа. 1906. № 3.
15. Канукова З.В., Дзамихов К.Ф. «Пережитки прошлого», «новые традиции» и другие тренды северокавказского сегмента советской историографии (1960-1980 гг.) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42(82). С. 70-81.
16. Крадецкая С.В. «Женский вестник» (1904-1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. № 1(66). С.72-81.

Kanukova, Zalina V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); z.kanukova@mail.ru

Tsibirov, Gerlik I. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); soigsi@mail.ru

Gutieva, Elvira Sh. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); evik777@mail.ru

GENDER PROCESSES IN OSSETIA AND THE “OSSETIAN WOMAN” BY TSOMAK GADIYEV.

Keywords: *Ossetians, women's issue, socio-cultural environment, Tsomak Gadiev, essay “Ossetian woman”*

The issue of women's emancipation at the beginning of the twentieth century occupied a large place in the development of social thought in both European countries and Russia, including its suburbs. In the Ossetian public discourse, the “women's issue” was raised, as a rule, in the context of the struggle against prejudices and remnants of the past, where the local intelligentsia was particularly active. This publication presents an essay by the famous Ossetian writer, poet, educator, public figure, revolutionary, organizer of science and education of the Soviet era Tsomak Gadiev “Ossetian Woman”, published in the famous feminist magazine “Women's Herald” in 1908. In studies of Gadiev's work, the essay in question was not so noticeable, and it is not mentioned in the dissertations devoted to Gadiev's educational and pedagogical activities. Meanwhile, it is of particular interest to researchers of social thought in Ossetia, gender processes and other issues of a socio-cultural nature, despite the fact that it contains many judgments that raise questions. Gadiev's description of the situation of the Ossetian woman and the socio-cultural environment that defines it as a whole seems to be excessively negative and does not always correspond to reality. The article presents the main characteristics of gender processes in Ossetia at the time under review and attempts to explain the reasons that prompted Gadiev to present the problem to the Russian reader in such a gloomy tone. The authors came to the conclusion that such reasons include the general trend of Ossetian enlightenment aimed at criticizing traditional society, the concept of the journal “Women's Herald”, built into the rigid paradigm of the struggle against prejudice for the “new” woman, as well as revolutionary nihilism and the nature of the work of Tsomak Gadiev himself.

For citation: Kanukova Z.V., Tsibirov, G.I., Gutieva, E.Sh. Gender processes in Ossetia and the “Ossetian woman” by Tsomak Gadiev // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 49 (88). Pp. 130-143. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.011

References

1. Tsomak. *Osetinskaya zhenshchina* [Ossetian woman]. *Zhenskii vestnik* [Women's Herald]. 1908. pp. 20-24.
2. Pfaf, V. *Narodnoe pravo osetin* [People's law of the Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1871, vol. 1. 342 p.
3. Kovalevsky, M.M. *Sovremenniy obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v*

istoriko-sravnitel'nom osveshchenii [Modern custom and ancient law. Ossetian Customary Law in Historical and Comparative Coverage]. Moscow. 1886, vol. 1-2. 340 p.

4. Bayern, F. *O drevnikh sooruzheniyakh na Kavkaze* [About ancient buildings in the Caucasus]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1871, vol. 1. 327 p.

5. Uvarova, P.S. *Kavkaz. Putevye zametki* [Caucasus. Travel Notes]. Moscow, 1887. 326 p.

6. Misikov, M.A. *Materialy po antropologii osetin* [Materials on the anthropology of the Ossetians]. Odessa, 1916. 236 p.

7. *Severnyi Kavkaz* [North Caucasus]. 1883, no. 23.

8. Steder, L. *Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2016. 368 p.

9. Lavrov D.Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes on Ossetia and Ossetians]. *Terskie vedomosti* [Terskie Vedomosti]. 18746 no. 28.

10. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii v 1897 godu. Terskaya oblast'* [The first general census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg, 1905, vol. 68.

11. *Istoriya Osetii: V dvukh tomakh* [History of Ossetia: In two vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2012, vol. 2. 448 p.

12. *Revolyutsiya 1905-1907 gg. na Tereke. Dokumenty i materialy* [The revolution of 1905-1907 in the Terek region. Documents and materials]. Ordzhonikidze, Ir, 1980, vol. 1. 296 p.

13. *Golos Kavkaza* [The Voice of the Caucasus]. 1906, no. 7.

14. *Zhizn' Severnogo Kavkaza* [Life of the North Caucasus]. 1906, no. 3.

15. Kanukova, Z.V., Dзамikhov, K.F. "Perezhitki proshlogo", "novye traditsii" i drugie trendy severokavkazskogo segmenta sovetskoj istoriografii (1960-1980 gg.) ["Remnants of the Past", "New Traditions" and Other Trends of the North Caucasian Segment of Soviet Historiography]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 42(82), pp. 70-81.

16. Kradetskaya, S.V. "Zhenskii vestnik" (1904-1917). *Opyt izdaniya feministского zhurnala v Rossii* ["Women's Herald (1904-1917). Experience of publishing a feminist magazine in Russia]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2013, no. 1(66), pp. 72-81.